

Из воспоминаний С. А. Щепихина¹

Об авторе:

Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего обер-офицера. Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908), причем во всех этих учебных заведениях обучался вместе с будущим оренбургским атаманом А. И. Дутовым.

На 1917 г. Щепихин уже являлся полковником Генерального штаба, имел боевой опыт русско-японской (тогда будущий генерал участвовал в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу и Фукумынь, в сражениях при Сандепу и под Мукденом) и Первой мировой войн (служил в штабе 3-й армии Юго-Западного фронта, а с весны 1917 г. командовал 2-м Уральским казачьим полком).

Щепихина высоко ценило командование. В аттестации от 16 июня 1916 г., составленной генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии генерал-майором А. А. Посоховым, отмечалось: «Исполнительный, энергичный, твердый и большой воли офицер самостоятельный с широкой инициативой, развитой и отлично понимающий военное дело.

Каждое поручаемое ему дело ведет прекрасно, не нуждаясь в указке. Заведывая службой связи в армии, поставил ее прочно и надежно. Легко справляется с нею при всех самых трудных положениях и внезапных перегруппировках.

По свидетельству начальников, видевших его в боевой обстановке, храбр и находчив.

В общем — отличный, достоин выдвижения на должность начальника штаба дивизии и командира казачьего полка вне очереди»².

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1490. Л. 133об.

Аналогичной была аттестация Щепихина и по должности командира полка, данная 30 июля 1917 г. командующим 2-й Туркестанской казачьей дивизией генерал-майором Ф. Ф. Абрамовым: «Полком командует с 10 апреля [1]917 г. достаточно уверенно и твердо. В боях за этот период полк не был. В хозяйственную часть полка вникает пока мало. Дисциплинированный; с офицерами корректен, в требованиях настойчив. Отличный. Удостоаивается зачисления на должность к[оманди]ра казачьей бригады»³.

В 1918 г. Щепихин возглавил штаб Уральского казачьего войска, но из-за конфликта с депутатами уральского Войскового съезда и его председателем Г. М. Фомичевым был вынужден уехать в Самару, где получил ответственный пост начальника полевого штаба Поволжского фронта Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. В декабре 1918 г. произведен в чин генерал-майора. В первой половине 1919 г., в том числе и в ходе весеннего наступления белых, занимал должность начальника штаба Западной армии, на которую возлагалось нанесение главного удара колчаковскому Восточному фронту по красным. Фактически Щепихин сам разработал план наступательной операции армии, во время которой белым удалось добиться наиболее впечатляющих успехов в сравнении с другими армиями фронта.

Пост начальника снабжений Южной армии Щепихин занял 16 июня 1919 г. Находясь на этой должности, он стал свидетелем драматического отступления армии с Южного Урала в Степной край. 7 октября 1919 г. Щепихин был зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта. Во время последовавшего отступления принял участие в Сибирском Ледяном походе, занимал пост начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом. 6 мая 1920 г. Щепихины выехали из Читы в белый Крым, куда прибыли уже во время эвакуации белых. Щепихин с супругой эвакуировался в Турцию и прожил в Константинополе до конца апреля 1921 г.⁴

К сожалению, об эмигрантском периоде жизни С. А. Щепихина известно немного. 23 мая 1921 г. Щепихины за свой счет прибыли в Чехословакию. Поселились в Збраславе под Прагой (ныне — в черте города). Сохранилось описание дома, где жили Щепихины, оставленное его соседом, выдающимся философом Н. О. Лосским: «В Збраславе мы жили на набережной Влтавы в доме, принадлежавшем Ф. Прохазке. Часть нижнего этажа была отдана под ресторан, а остальные комнаты сдавались в наем, так что дом этот был подобием отеля и назывался “Velká Hospoda”. В “Velká Hospodě” комнаты сдавались по цене сравнительно дешевой, и многие русские эмигранты перебивали в нем: кроме нас там в различные периоды жили инженер-путеец Николай Николаевич Ипатьев (в доме которого в Екатеринбурге был убит государь Николай II и его семья) с женою, московский промышленник Евгений Павлович Свешников с семьею, проф. Ефим Лукьянович Зубашев с женою, В. В. Водовозов с женою Ольгою Александровною

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 507об.

(дочерью профессора Введенского), проф. А. В. Флоровский с женою, генерал С. А. Щепихин с женою и сыном»⁵. Причем Щепихины перебрались из «Гран-пансиона» с плачевными бытовыми условиями именно в две комнаты Ипатьевых. Пансион, в котором разместила семья, стал центром русской культурной жизни — здесь эмигранты устраивали литературные и музыкальные вечера («Збраславские пятницы»).

Первое время Щепихины сильно бедствовали. Генералу приходилось зарабатывать на жизнь в качестве служащего и заведующего мастерской, контролера в ресторане⁶. Позднее Щепихин смог устроиться бухгалтером в РЗИА (с 1925 г.), где трудился порой даже сверхурочно (поскольку приезжал из Збраслава на работу с опозданием)⁷. Помогал (в том числе с трудоустройством) друг семьи, генерал С. Н. Войцеховский, оставшийся и в Чехословакии на военной службе и занимавший высокие посты в чехословацкой армии.

В 1922 г. у Щепихиных родился сын Вадим (1922–1987). Впрочем, по данным потомков, его настоящим отцом был генерал С. Н. Войцеховский, но ни Щепихин, ни Войцеховский об этом не знали. Незадолго до своей смерти мать сообщила об этом сыну, и в результате пережитого потрясения В. С. Щепихин вскоре умер⁸.

По оценке советской разведки, данной летом 1924 г., Щепихин считался благорасположенным к эсерам⁹. Щепихин якобы был избран главой общества «Армия и народ», являвшегося скрытой формой офицерского союза. Членом правления организации также избрали известного деятеля эсеровского толка полковника Ф. Е. Махина¹⁰.

Генерал Е. И. Балабин вспоминал о Щепихине, которого знал еще по училищу: «Встретил я его в Чехословакии, в Праге, в 1934 году. Это был старый, больной, израненный и не совсем нормальный генерал. Встретились мы с ним как родные»¹¹. Отметим, что в 1934 г. Щепихину было 54 года, а израненным его считать не приходится.

Щепихин сотрудничал с кружком по изучению мировой войны при Русском народном университете. В сентябре 1932 г. Щепихин вступил в Русский Общевоинский союз¹². Умер С. А. Щепихин 18 марта 1948 г. после тяжелой болезни и похоронен на Ольшанском кладбище, однако могила генерала, по всей видимости, утрачена¹³.

⁵ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 225–226.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 508.

⁷ Архив Славянской библиотеки (Прага). Т-РЗИА. 4–0041. Л. 1, 12.

⁸ Сведения предоставлены Г. Г. Канинским (Челябинск).

⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Док. и мат. Т. 5. Раскол. 1924–1925 гг. М., 2010. С. 217.

¹⁰ Там же. С. 219, 222–223.

¹¹ Балабин Е. И. Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 49.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 12. Л. 129.

¹³ Подробную биографическую справку см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 635.

Несмотря на материальные затруднения, Щепихин в эмиграции находил возможность заниматься литературным и научным трудом. Онзнакомился с рукописями РЗИА и поступавшей в библиотеку архива литературой, в том числе советской. Все это способствовало успешной работе С. А. Щепихина над воспоминаниями. Мемуарное наследие Щепихина уникально. Свои воспоминания генерал писал на основе дневников и оставил потомкам по-настоящему монументальный мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн. Это произведение можно, если не поставить в один ряд с «Очерками русской смуты» А. И. Деникина, то, по крайней мере, выделить как не менее впечатляющее по своему охвату.

В связи с материальными трудностями Щепихин продал свои мемуары, в том числе разные их редакции, различным эмигрантским архивам. В результате его рукописи оказались как в РЗИА в Чехословакии, так и в Гуверовском архиве в США.

Автор воспоминаний был квалифицированным офицером-генштабистом, критический взгляд которого отмечал промахи военного строительства на Востоке России при белых, не исключая мелочей. Мемуары Щепихина, несмотря на порой чрезмерный скептицизм и саркастичность их автора (иногда в ущерб точности изложения), являются одним из важнейших и до сих пор практически не введенных в научный оборот источников по истории Гражданской войны на Востоке России. Интересно, что репутация критика существующих порядков закрепились за Щепихиным еще в период Гражданской войны¹⁴.

О документе:

Публикуемые впервые воспоминания видного деятеля Белого движения на Востоке России, Генерального штаба генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина представляют собой первую часть его рукописного очерка «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Мемуары поступили в ГА РФ в составе коллекции Русского Заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге.

Воспоминания Щепихина написаны бисерным почерком, который с трудом поддается расшифровке. Основу очерка составили дневниковые записи, оставленные в бытность Щепихина начальником снабжений Южной армии Восточного фронта летом — осенью 1919 г. На страницах воспоминаний Щепихин приводит яркие портретные зарисовки омских штабных работников, многих из которых он хорошо знал. Созданная им портретная галерея позволяет лучше понять причины неудачи Белого движения.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника. Все даты (кроме событий истории зарубежных стран) до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Документ хранится в ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5об. Рукопись.

А. В. Ганин

¹⁴ Напр., РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 19.

С. А. Щепихин
ТЫЛ В ОМСКЕ

По сдаче должности начальника штаба Западной (г[енерал]-л[ейтенант]¹⁵ Ханжин¹⁶) армии¹⁷ я прибыл с фронта (из г. Уфы) в Омск, и на другой же день явился начальнику штаба Колчака¹⁸ генералу Дмитрию Антоновичу Лебедеву¹⁹.

Блестящий пульмановский (голубой) вагон-салон против здания Ставки, на запасном пути, рядом с веткой (запасный жел[езно]дор[ожный] путь № 1) иностранных представителей.

Перед вагоном площадка, часовой и мелькающие фигуры франтоватых адъютантов.

Увидев меня, один из адъютантов направился ко мне и спросил: «Вы, к генералу Лебедеву?» «Да!» — А разрешение, пропуск взяли у генкварма?²⁰ — Нет. Я не знал такого порядка! В недоумении замялись... В окне салона появилась фигура Лебедева, подающего знак пропустить... Вхожу — салон, карты на столах и наш сибирский Наполеон. Любезно здоровается и проводит в другой салон-приемную.

«Что, Ваше Превосходительство, предполагаете делать?»

Я в Вашем распоряжении! — «Тогда попрошу Вас направиться к ген[ералу] Бурлину²¹ (ген[ерал]-квар[тир]м[ейстер]²²) и от него получить назначение!... Ну, как дела на фронте? Какие главные причины наших неудач на фронте Западной армии?»

«Главная причина, отвечаю, не хватило пороху: не было резервов; корпус Капшеля²³ прибыл поздно и по частям; состав не всегда был на высоте!... Вот главные!»

¹⁵ Правильно — генерал от артиллерии.

¹⁶ Ханжин Михаил Васильевич (17.10.1871–20.12.1961) — генерал от артиллерии (с 20.04.1919), командующий Западной армией (с 24.12.1918). После ряда военных поражений и сдачи Уфы по личной просьбе смещен с поста командующего и назначен в распоряжение Верховного правителя и Верховного главнокомандующего (20.06.1919).

¹⁷ С. А. Щепихин занимал пост начальника штаба Западной армии до 21 мая 1919 г.

¹⁸ Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал (с 18.11.1918), Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий (с 18.11.1918).

¹⁹ Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883–06.03.1928) — генерал-майор (с 06.01.1919), начальник штаба Верховного главнокомандующего (21.11.1918), военный министр Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака (с 23.05.1919) с оставлением в должности начальника штаба.

²⁰ Генкварм — генерал-квартирмейстер (телеграфное сокращение).

²¹ Бурлин Петр Гаврилович (30.07.1879–10.02.1954) — генерал-майор (с 20.08.1918), вр.и.д. начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Помощник начальника штаба Ставки с правами заместителя (с 23.05.1919).

²² С. А. Щепихин неточен. П. Г. Бурлин занял пост 1-го генерал-квартирмейстера Ставки только 01.10.1919.

²³ Капшель Владимир Оскарович (16.04.1883–26.01.1920) — генерал-майор (с 17.10.1918), генерал-лейтенант (с 04.11.1919). Командир I Волжского армейского корпуса (с 03.01.1919).

Мне не хотелось долго беседовать, так как, во-первых, Лебедев лучше меня должен был знать причины, во-вторых, чувствовалось, что вопрос задан так, для разговора на пять минут...

«Так вот, не смею задерживать! Ваш вагон будет подан сюда с магистрали!»

«Всего хорошего!» — «А адмиралу не следует представиться?» — «Нет, нет не беспокойтесь». Представление Колчаку было моим правом, но Лебедев ограждал адмирала от сторонних влияний... Я не настаивал.

Ставка занимала огромный корпус сельскохозяйственного училища.

Генерал-квартирмейстерство занимало второй этаж.

К Бурлину вошел без доклада. Огромная комната, ковры, машинистка и адъютант с телефонной трубкой.

Бурлин сильно изменился. Я его знал по штабу III армии фронта Великой войны²⁴. Он раздобыл, поселился и важности без конца.

Помню его причисленным к Генеральному штабу скромным оренбургским казначым офицером, затем капитаном Генерального штаба скромно трудолюбиво работающим в разведывательном отделении штаба²⁵.

Звезд никогда не хватал, аттестацию имел среднюю и, конечно, к крупной должности ген[ерал]-квар[тир]м[ейстер]а всего Сибирского фронта подготовлен не был. Однако все недочеты свои с успехом прикрывал важностью манер. Вытянул его из мрака неизвестности Лебедев, как сослуживец по штабу 24 корпуса (Цурикова²⁶) и штаба III армии фронта Великой войны²⁷.

Мне Бурлин предложил на выбор должность начальника штаба Иркутского округа и генерал-квартирмейстерство во Владивостоке.

²⁴ В штабе 3-й армии П. Г. Бурлин служил в 1916–1917 гг. в чинах капитана, подполковника и полковника на должностях помощника старшего адъютанта разведывательного отделения отдела генерал-квартирмейстера (31.03–10.12.1916), штаб-офицером для поручений отдела генерал-квартирмейстера (10–20.12.1916), старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера (20.12.1916–25.11.1917). С. А. Щепихин в том же штабе служил в 1914–1917 гг. в тех же чинах на должностях вр.и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера (с 01.08.1914), вр.и.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера (с 25.11.1914), старшего адъютанта общего отделения отдела генерал-квартирмейстера (06.12.1914–13.03.1917), вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба армии (11–28.05.1915).

²⁵ Штаба армии (телеграфное сокращение). Речь идет о штабе 3-й армии периода Первой мировой войны.

²⁶ Цуриков Афанасий Андреевич (01.06.1858–1923) — генерал от кавалерии (со ст. с 06.04.1914), командир XXIV армейского корпуса (с 02.01.1914).

²⁷ Д. А. Лебедев служил в штабе XXIV армейского корпуса в 1914–1915 гг. и в штабе 3-й армии — в 1915–1916 гг. в чинах капитана и подполковника. Прибыл на театр военных действий (06.08.1914) в составе штаба корпуса. Занимал должности и.д. штаб-офицера для поручений при штабе корпуса (07.09–03.10.1914), и.д. начальника штаба корпуса (27.03–12.04.1915; 18.10–07.11.1915), и.д. штаб-офицера для поручений при штабе корпуса (12–19.04.1915, с 23.05.1915), и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (Высочайший приказ 05.12.1915). На последнюю должность Лебедев прибыл 07.01.1916 (утвержден 10.04.1916). Лебедев был допущен к вр.и.д. начальника штаба 130-й пехотной дивизии (05.11.1916) и отправился к месту нового назначения (10.11.1916). До службы в штабе 3-й армии П. Г. Бурлин пересекался с ним по службе в штабе XXIV армейского корпуса, где занимал должность обер-офицера для поручений при штабе корпуса (22.11.1914–20.08.1915).

«А затем, Сергей Арефьевич, если не пожелаете уехать отсюда, то попробуйте устроиться в штаб Омского округа к Матковскому²⁸, вместо устаревшего генерала Попова».

Я ответил, что подумаю!

Обойдя все отделы, где встретил многих однокашников по академии, покинул Ставку.

Впечатление?!

Грустное и гнусное! Сотни молодых офицеров наполняли широкие коридоры Ставки, десятки офицеров Генерального штаба грызли от безделья карандаши в теплых кабинетах. А на фронте была нужда, и фронт вынужден был питаться суррогатом.

И если б в этом была жизненная необходимость?!

И если бы Ставка выполняла сносно свое назначение.

Я до тонкости знал, чем занята эта молодежь и многие из способных, подготовленных офицеров генерального штаба!

Вся эта масса выполняла быть может и весьма добросовестно порученную ей работу, но кому это было нужно: все эти аккуратнейшие схемы, картограммы, графики, кроки, доклады и прочая, прочая...!?

Но это был забронированный фонд Лебедева, так никогда и не увидевший фронта. Это его железные подошвы, всегда ощутительные и являющиеся мертвым, искусственным грузом.

Совершенно неожиданно после огромной работы очутился на положении бездельника; после широкой деятельности — безработица!

На другой день пошел к ген[ералу] Матковскому, сделавшему блестящую карьеру, благодаря тому, что он один из немногих удрал из Екатеринбурга, бросив академию, бывшую еще в руках большевиков.

О том, что он этим своим поступком поставил под дуло весь остальной состав академии с начальником ее ген[ералом] Андогским²⁹ во главе, — об этом профессор Матковский не подумал, да и по складу своего характера, такие соображения были чужды ему³⁰.

Направился я в крепость — так в Омске называется район (на берегу Иртыша), где расположен штаб округа и квартиры служащих штаба.

В Омске я прослужил три года, в младших чинах Генерального штаба³¹, а потому с некоторым волнением вступил на территорию крепости и в самое здание штаба.

²⁸ Матковский Алексей Филиппович (Фелицианович) (17.03.1877–04.06.1920) — генерал-майор (с 02.04.1917), генерал-лейтенант (с 15.06.1919). Вр.ид. командующего войсками Омского военного округа и омского гарнизона (с 25.12.1918).

²⁹ Андогский Александр Иванович (25.07.1876–25.02.1931) — генерал-майор (с 21.11.1917), начальник Николаевской военной академии (с 07.08.1917).

³⁰ Подробнее об инциденте с А. Ф. Матковским и его последствиях см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 198–199, 209, 213–214, 236–241, 247.

³¹ Речь идет о службе С. А. Щепихина в чине капитана обер-офицером для поручений при штабе Омского военного округа (11.05.1911–15.01.1914). Находясь на этой должности, летом 1912 г. Щепихин совершил рекогносцировочную поездку в Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции Китая для сбора сведений о китайских вооруженных силах в приграничной с Россией полосе, о военно-политической обстановке после китайской революции

Первое лицо, которое я здесь встретил, был подьес[аул] Сибирского каз[ачьего] войска Дорофеев³². Так же, как и семь лет тому назад, он стоял за конторкой разведывательного отделения. Какая разведка в штабе округа в гражданскую войну — не знаю? Это понять, обнять мой ум не мог.

Тепло встретился с Дорофеевым, с делопроизводителем осколка штаба еще довоенного.

Выяснил, что Матковский в штабе не бывает, а его надо посетить на квартире — «бывшая квартира п[олковника] Мерина» (стар[ший] адъютант дежурства штаба довоенного) — [сообщил] подьесаул Дорофеев.

Прекрасно одетый, дисциплинированный вестовой пошел доложить генералу, проводив меня в кабинет. Комната небольшая, но прекрасно меблированная: ковры, американское бюро, кабинетные кресла.

Матковский заставил ожидать и вышел при всех орденах. Очень пристально присматривался и детально расспрашивал о делах фронта.

На мое объяснение причины визита ответил решительным отказом и был удивлен малоправдоподобной информацией Бурлина: ген[ерал] Попов — отличный работник, и он (Матковский) не думал с ним расставаться.

Затем не без яду добавил, что вряд ли устроит такая невидная должность такого молодого, энергичного и отлично себя зарекомендовавшего на фронте генерала, как я!

Я понял, что сделал ложный шаг. Кто меня подвел? Бурлин! Что за цель. Одно я ясно увидел, что здесь, в тылу, я ничего не добьюсь.

О результатах доложил ген. Бурлину и в ответ смущенная улыбка.

«Ну, а как Вы смотрите на Владивосток?» — спросил я.

«Видите, С. А., я боюсь, что там тоже «свой» кандидат есть! Боюсь — не напрасно ли Вас туда командировать!».

«Ну, а в Иркутске я сам отказываюсь! Если у Вас так трудно дать место генералу с фронта, то надо видимо искать самому!»

Для меня было ясно довольно четкое разделение на тыл и фронт, и фронтовому лицу нечего и пытаться на тыловую должность. Правда у меня были личные семейные причины уехать в тыл: жена ожидала ребенка и таскать ее возле фронта нам не улыбалось.

Надо выжидать — не будет ли что на фронте, а пока я занялся личными делами и знакомством с тылом.

Встретил еще безработного — ген. Александра Ивановича Андогского.

Этого опытного человека держали в резерве, так как он, в свое время, являлся сильным конкурентом Лебедева на пост начальника штаба Верх[овного]

1911 г., о положении национальных меньшинств округа (казахов, монголов, уйгуров) и описания путей сообщения между Семиречьем и Сибирью. За время службы в Омске Щепихин подготовил и опубликовал целый ряд военно-научных трудов: Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск: изд. штаба Омского военного округа, 1913; Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Тыловой район. Отд. 1–2. Орография и гидрография района. Омск: изд. штаба Омского военного округа, 1913; То же. Отд. 3. Пути сообщения. Ч. 1. Железные дороги. Ч. 2. Водные пути. Ч. 3. Грунтовые дороги. Омск: изд. штаба Омского военного округа, 1914.

³² Дорофеев Игнатий Васильевич (16.10.1878–?) — подьесаул Сибирского казачьего войска, делопроизводитель штаба Омского военного округа.

Главнокомандующего. Лебедев, чтобы исключить кандидатуру Андогского, выдвинул вопрос о службе последнего у большевиков: адмирал прислушался и его убедили произвести анкету среди старших офицеров Генерального штаба по вопросу допустимости назначения Андогского, и Лебедев искусно отвел конкурента³³. Андогский вряд ли мог питать теплые чувства к Ставке, возглавляемой Лебедевым и заодно к адмиралу³⁴.

Теперь он находился в Ставке, вызванный адмиралом на предмет назначения. Я знаю Андогского давно и не верю, чтобы он не запрятал глубоко за пазухой камня против Лебедева. Не такой он человек. Лебедев совсем не умен. Это справедливо не только в сфере его специальности (он показал себя, имея все карты на руках, вождем ниже среднего), но и в области политики и администрации.

Его сочувствием всегда пользовалась столь бездарная личность, каким являлся на посту иностранной политики американизированный тип Сукин³⁵, о голову которого в пылу припадков раздражения разбивал не один сервиз адмирал Колчак.

Лебедев был просто нелогичен, набрав себе в Ставку полный комплект бывших профессоров академии, а против Андогского вел сложную, упорную интригу. Андогский этим воспользовался и опутал Лебедева сложной сетью своего шпионажа; его агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику Академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели

³³ Подробнее об этом см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии. С. 270–283.

³⁴ А. В. Колчаку.

³⁵ Сукин Иван Иванович (1890–?) — заведующий дипломатической канцелярией при Ставке (11–12.1918), управляющий делами МИД правительства А. В. Колчака (02.01–29.11.1919). Впрочем, Сукин постфактум не особенно лестно отзывался о Лебедеве, хотя в этой характеристике и прослеживается положительная составляющая: «Он почти не имел боевого опыта, во всяком случае не на ответственных должностях, и не отличался в то же время блеском природных дарований. Его мысль работала медленно, производя на некоторых впечатление тупости. При этом он был чрезвычайно упрямым и страдал односторонностью, являвшейся, впрочем, естественным спутником твердости и непримиримости его убеждений. Лебедев был неприветлив и сумрачен, чем отталкивал от себя симпатии не только иностранцев, но и всех русских политических деятелей. В силу этих своих недостатков он быстро потерял свою популярность среди нашего офицерства. Однако в его пользу говорили чистота, благородство, упорство и воплощение идеи Добровольческой армии. Вся карьера Лебедева была связана с революционной эпохой... Он весь был проникнут духом Гражданской войны; он был ее продуктом и считал себя знатоком революционных настроений и приемов... он был моим близким другом. Его внешние недостатки совершенно затушевывали его глубокие внутренние качества. Последние все же были не такого порядка, чтобы сделать из него достаточного исполнителя столь громадной по замыслу и дерзновению задачи, как покорение большевизма в военном и политическом отношении. При всех этих чертах Лебедев в личных отношениях с друзьями был мягок и впечатлителен. Несмотря на его внешнее упрямство, на него можно было влиять. До тех пор пока он был начальником штаба, мне всегда удавалось останавливать многие безумные попытки в области иностранной политики, которые рождались в военной среде. Поскольку наштаверхом был Лебедев, я знал, что никакого опасного непоправимого шага не будет сделано, и поэтому культивировал эту дружбу, что мне впоследствии многими ставилось в упрек» (Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 351–352). Интересно, что премьер-министр омского правительства П. В. Вологодский считал, что за Андогским также стоит фигура И. И. Сукина (A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133).

академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт. Положение военное и политическое Андогскому было известно не менее, нежели Лебедеву; только употребление из этого он сделал совершенно иное, односторонне в свою пользу.

Вид у Андогского был почти довольный: своего он добился — его вызвали из длинной ссылки (в Харбине) и вопрос заключался в том, чтобы не продешевить.

От Андогского я узнал подробности мытарств нашей *Alma mater*³⁶ под его начальством, начиная с Петрограда до Томска.

Эти сведения, конечно, надо значительно прокорректировать, но все же они настолько любопытны вообще, учитывая важный пост Андогского, что я подробно излагаю эти данные в особом приложении к настоящему очерку.

(Приложение № 1)³⁷. В этом же приложении я позволяю себе внести те изменения, которые основываются на данных, свидетелем которых я был.

Андогский располнел, глаза совсем спрятались и за пенсне и за припухшими веками. Чистенький, выхолонный. Этот человек на фронт не пойдет ближе, чем Ставка. Только царский режим как-то умудрился впрячь Александра Ивановича в общие шоры³⁸, и он прошел через полк³⁹. Очень любопытно, как он держал себя там.

Андогский всегда мне казался человеком не строевым; его все помыслы направлены к письменному столу; в душе военным он отнюдь не был, да и школы военной он полностью не прошел, как большинство офицеров царской армии: он был из студентов, т. е. не из кадетского корпуса. Правда, университетский значок⁴⁰ ему сильно облегчил прохождение Военной академии: у него был навык, усидчивость, да и наши военные профессора относились к университетскому значку с[o] значительным почтением. Но вот те новые, для меня неожиданные, признатые (так в тексте. — А. Г.), таланты — дипломатичность и способность к интриге, это рисовало Андогского в совершенно ином свете.

Но винить резко я не берусь его за это: переворачивая альбом наших военачальников периода гражданской войны, войны, требовавшей от военных гражданских добродетелей в высшей мере, — вижу с грустью, что много себялюбий, честолюбий и иных побуждений еще более низкого разряда руководило в большинстве теми, на кого Родина вправе была рассчитывать и требовать жертв на алтарь свой не только жизнью.

Жизнь оказалось значительно легче принести в жертву, нежели честолюбие. У меня до сих пор стоит в ушах высокопарно-заносчиво-хвастливый вызов красного генерала белому: «Посмотрим как-то будет воевать Антон Деникин! Это не с Железной дивизией!»⁴¹

³⁶ Речь идет о Военной академии.

³⁷ Публикацию беседы С. А. Щепихина с А. И. Андогским см. в: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии. С. 661–672.

³⁸ Шоры — в данном случае, конская упряжь.

³⁹ А. И. Андогский командовал 151-м пехотным Пятигорским полком с 27.04.1916 (вступил в должность 16.05.1916), но уже с 07.12.1916 состоял вр.и.д. правителя дел Императорской Николаевской военной академии.

⁴⁰ В 1898 г. А. И. Андогский окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

⁴¹ В годы Первой мировой войны генерал А. И. Деникин командовал 4-й стрелковой («Железной») бригадой, отличившейся на фронте.

Так красной нитью и тянулась эта борьба личностей, тщеславий. И кое-где, как яркие звезды на далеком горизонте ярко блестят одиночки вроде Владимира Оскаровича Каппеля.

Но можно и с честолюбцами работать, заставить их работать — это отлично доказали большевики. Увы, у нас не было системы твердо принудительной и все себялюбцы работали на девяносто процентов на себя.

Хорошо, если это «на себя» совпадало с общей целью, в противном случае было зло.

Так вот и Ал[ександр] Ив[анович] Андогский: обиженный, обозленный, оскорбленный несбывшимися мечтами, что он мог дать Колчаку, будучи поставлен в подчиненное положение к Лебедеву, заклятому врагу.

Мы воюем здесь, в Сибири, на Востоке меньше года, а уж есть смертельные враги!

Не понравился мне Андогский — лучше, полезнее для дела было бы совсем его не призывать, держа по-прежнему вдаль от Ставки. Это мое предчувствие!

Только...

Но вот, против воли, приходится окунуться в тыловую атмосферу.

Буду краток — но краски столь яркие, что и грубых мазков вполне достаточно, чтобы дать представление о нашем тыле.

Прежде всего — характеристика относится к июнь — июлю (так в тексте. — А. Г.) месяцу 1919 года, т. е. к периоду, когда для всех стал известен наш неуспех на фронте после столь блестяще начатой наступательной операции на Волге.

Все знали, но все были глухи. Странная вещь — меня, бывшего начальника штаба одной из армий фронта, ни одна тыловая персона ни разу не спросила о фронте. И, пожалуйста, не подумайте, что это деликатность к «бывшему» начальнику на фронте, потерпевшему неудачу. Отнюдь нет! В то же время мне, не стесняясь, задавали вопросы о моем заместителе, сменившем меня на посту наштарма⁴² Западной, генерале Сахарове⁴³.

Здесь же мне рассказали о том, с какими предосторожностями подготавливалась смена, которой желал генерал Нокс⁴⁴ и жаждал сам Сахаров. Лебедев почему-то вообразил, что на фронте могут произойти антидисциплинарные выступления со стороны старших начальников в армии, недовольных сменой меня и заменой в лице Сахарова.

Та партизанщина, при ближайшем участии которой вознесен был Колчак, да и держался, в Омске, по крайней мере, его она приучила и на фронт смотреть как на партизанщину, ожидая со стороны популярных начальников всяческих неожиданностей.

Тыл, по обыкновению не знал, не понимал фронта.

Лебедев не был выше среднего уровня и над толпой не возвышался — вот почему (теперь мне только стало ясно) он, Лебедев, приезжал со своим конвоем в Уфу

⁴² Начальника штаба армии (телеграфное сокращение).

⁴³ Сахаров Константин Вячеславович (18.03.1881–23.02.1941) — генерал-майор (с 15.11.1918), генерал-лейтенант (с 05.10.1919). Начальник штаба Западной армии (с 20.05.1919), командующий Западной армией (с 22.06.1919).

⁴⁴ Нокс Альфред Уильям Фортескью (30.10.1870–09.03.1964) — генерал-майор британской армии, глава британской военной миссии на Востоке России.

и привез с собой моего заместителя — он боялся, что в ответ на объявление мне воли адмирала, что последний находит для пользы службы полезнее замену меня Сахаровым, я могу отказать в повиновении и в случае настаивания прибегнуть к фронтовому мнению, авторитету.

Как плохо знал и низко расценивал Лебедев, нас на фронте.

Неужели ему не достаточно было примера полной лояльности нашей при внезапном перевороте Колчака.

Лебедев, севший в кресло наштаверха⁴⁵ путем интриг, считал, что и другие ходят теми же путями.

Обидное мнение, но характерное.

Эту новость, эту версию к моей смене мне передали лица, хотя и находившиеся в полной ориентации, но по своему служебному положению бывшие вне сферы влияния Ставки — это главный военный прокурор Кузнецов⁴⁶.

Он же мне поведал и о громком деле Касаткина⁴⁷ — начальника военных сообщений, т. е. фактического министра путей сообщения, то «штатский министр да повинуется властям военным!» — таков был лозунг у Лебедева.

Касаткин (Генерального штаба генерал) из кругов профессорских⁴⁸, Андогского, оставлен был в Самаре заведовать передвижением по железным дорогам «Кому-ча», а оттуда смылся в Омск, где и получил столь ответственный пост.

Касаткин сравнительно молод; в генералы Колчаком был произведен по должности, но со старшинством на три года вперед, т. е. выслуживал он право на производство в генеральский чин лишь через три года.

⁴⁵ Наштаверх — начальник штаба Верховного главнокомандующего (телеграфное сокращение).

⁴⁶ Кузнецов Никанор Федотович (1875–04.06.1920) — генерал-майор (с 20.04.1919), и.д. начальника Главного военно-судного управления.

⁴⁷ Касаткин Василий Николаевич (20.12.1885–31.03.1963) — генерал-майор (с 20.04.1919), главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем (до 12.08.1919). Предан военно-полевому суду (приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра № 887. 28.08.1919) за то, что «состоя в должности главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем, получив в мае месяце с.г. от служащего в комендатуре ст. Омск поручика Еськова официальный доклад о вышеуказанных случаях злоупотребления [использование железной дороги с санкции коменданты станции Омск и начальника станции для частных нужд, взятки. — А. Г.], а равно сведения и от других лиц, будучи обязан по занимаемой должности и имея возможность принять немедленные меры к расследованию и пресечению таковых злоупотреблений, он, генерал-майор Касаткин, никаких мер не принял, вследствие чего таковые злоупотребления были обнаружены и расследованы лишь при возбуждении настоящего дела». Лишен некоторых прав и преимуществ по службе и приговорен к заключению в крепости на год и четыре месяца с исключением с военной службы, но по резолюции Верховного правителя адмирала А. В. Колчака «генерал-майору Касаткину, ввиду безукоризненной предшествовавшей его служебной деятельности и заслуг в деле июльской эвакуации фронта, заменяю определенное судом наказание заключением в крепости на шесть месяцев без исключения из службы и с отложением приведения этого наказания в исполнение до окончания войны» (02.09.1919).

⁴⁸ В. Н. Касаткин был не профессором, а штатным преподавателем Военной академии.

Всю свою недолголетнюю службу по Генеральному штабу он провел в штабе фронта Великой войны (Западного) на должности начальника службы связи⁴⁹. Позже пришел в академию читать лекции по службе связи и с железными дорогами никакого дела не имел.

Итак, назначение это чисто случайное. Случайно же оно, более менее удачное, так как более усидчивого, добросовестного, немного, правда, канцеляриста, работника было трудно найти.

И вот Василий Николаевич стал почти министром.

С железнодорожниками (движенцами) я имел дело давно по своей роли начальника штаба; знал некоторых из видных офицеров по передвижению, а также у меня был широкий круг знакомых по службе среди комендантов станций, начальников участков и прочей аристократии железнодорожной.

Вся эта публика была, во-первых, случайная, пригнанная с линий, отданных противнику или устроившаяся из небытия.

Правда, в большинстве это были настоящие спецы. Но чтобы дать maximum⁵⁰ работы, работы честной, полезной эти спецы должны были всегда чувствовать отеческую руку.

Никогда мне не приходилось столь часто прибегать к угрозе расстрелом, как по адресу передвиженцев.

Всегда на вопрос, когда разгрузится станция, когда прорвут пробку и т. п. — ответ один: «Не могу сказать точно; Думаю...!».

Тогда обычно я назначал срок и никогда не было отказа или невыполнения в срок — только надо было взять на мушку.

Другое качество, в кавычках, у этих путейцев было стремление устраивать свои личные делишки.

Я здесь не сплетнями занимаюсь. Для сплетен я слишком высоко ценю свое бывшее положение. Считал и всегда считаю, что дело гражданской войны и участие в таковой на ответственных постах — дело и вопрос призвания и доброй воли. Рисуя, в связи с делом Касаткина, положение жел[езно]дорожного вопроса в Ставке, я лишь даю лишний мазок на общее полотно «тыла».

Путейцы скоро сообразили, что те данные, которыми сопровождается гражданская война, а именно: неопытность высшего начальства, революционного, частая смена районов (отходы, наступления и вновь потеря занятой территории) — непрочность их занятия, отсутствие строгой системы управления и частые видоизменения, наконец, наличие союзников, вносивших дезорганизацию — все это вместе взятое не могло способствовать развитию сознательных гражданских чувств.

А в результате вот что!

Тысячи вагонов у союзников и даются ими на спекуляцию.

Этим заражаются высшие начальствующие лица и спекуляция на подвижном составе даже перестала квалифицироваться как преступление.

⁴⁹ В годы Первой мировой войны В. Н. Касаткин занимал должности старшего адъютанта штаба Западного фронта и начальника общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта.

⁵⁰ Максимум (лат.).

И понятно, раз французский консул Самары Жано⁵¹ и польский комиссар (тоже верховный) ксендз З-ч спекулятивно протаскивают через общую ленту Самара — Омск мануфактуру (Жано — пять вагонов) и жидкие тела (керосин, спирт), З-ч, две цистерны, то почему же Иванову-Ринову⁵² не провезти один (всего один) вагон в неделю с товаром из Харбина для собственной (и близких) надобности.

Почему бы казачьему министру (Б. И. Х[орошхи]ну⁵³) не продавать вагоны спекулянтам, истребовав их предварительно для казачьих нужд?

Почему начальнику гарнизона города Екатеринбурга не позволительно организовать гарнизонную «кооперативную» лавку и на основании сего требовать по три вагона из Харбина с товарами для лавки (правда, преимущественно шелк и дамские чулки).

Заверяю, что разложение, растреление нашей жел[езно]дор[ожной] администрации начали союзники, высшее чиновничество тыла подхватило, а остальные и по преимуществу сами путейцы, закончили, добились дело.

И вот в эту клоаку должен был опуститься Касаткин.

С толстущим портфелем, в очках, с поднятым воротником мчит бедный начво⁵⁴ в...! канцелярию; просиживает по 16 часов, а на линии идет грабеж.

Когда наконец и близорукий В. Н. Касаткин увидел, то вздумал пресечь — арестовал груз чей-то (конечно — безымянный); на другой день назначив продажу его с торгов... а ночью груз был привезен неизвестным в усадьбу, занимаемую Ивановым-Риновым...

Когда В. Н. заикнулся, то супруга некоронованного диктатора Сибири приказала передать, что пусть Колчак не забывает (Колчак, а не какой-то Касаткин!!) чьи руками он «посажен!».

Так и выразилась энергичная дама, супруга бывшего актюбинского пристава⁵⁵ — «посажен». Вот тут и борись со злом.

Когда же В. Н. Касаткин, уже спасая свою шкуру, притянул расторопного коменданта ст. Омск, то сочли за лучшее самого Касаткина посадить на скамью... И посадили!

А что делали интенданты — лучше не слышали бы мои уши.

Недаром Колчак хватался за голову и кричал в истерике: «Дайте мне хоть одного мерзавца, чтоб я мог его повесить!»

Мерзавцы были и попадались, но вешать не приходилось, так как это задевало тот персонаж, за ширмами, конечно, который мог с равным основанием с М^{ме} Риновой крикнуть — «не забывай, кем ты посажен!» В результате склады в тылу ломились от запасов, а Уфимская дивизия⁵⁶ была и боса и нага...!

⁵¹ Жано Л. Л. — консул французской миссии в Самаре.

⁵² Иванов-Ринов Павел Павлович (26.07.1869—после 1926) — генерал-майор (с 02.07.1918), генерал-лейтенант (с 09.08.1919).

⁵³ Хорошхин Борис Иванович (24.06.1883—27.01.1936) — генерал-майор (с 12.08.1918). Начальник Главного управления по делам казачьих войск.

⁵⁴ Начальник военных сообщений (телеграфное сокращение).

⁵⁵ С. А. Щепихин иронизирует над служебным прошлым П. П. Иванова-Ринова, который в 1902—1904 и 1905—1908 гг. занимал должность Агбашинского участкового начальника в Семиреченской области. Актюбинским приставом Иванов-Ринов не был.

⁵⁶ Речь идет о 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии, действовавшей в составе Западной армии.

А Лебедев, этот всемогущий, метался как угорелый без толку в своем салоне на фронт и обратно, путался в чужие сферы, а под носом ничего не видел...

И попустительствовал распуханию тылов всех наименований.

Ведь стыдно сказать: на 200 тысяч фронтовых солдат, на обширную, правда на малонаселенную территорию, территорию, признающую власть Колчака лишь в полосе отчуждения Сибирской магистрали — были сформированы все учреждения империи, все министерства и даже Государственный Совет и Сенат.

Одного такого сенатора я видел — это был чистейший сколок с Императорской России — за 70 лет, подагра, глухой, но в мундире и при звездах и завсегда единственного кафешантана...

Скорей, скорей из этого омота, пока не засало!

Стыдно, больно было смотреть, как попирали грязными ногами чистое дело освободительной идеи, за которую на фронте гибло все лучшее.

Слава Богу, что фронт этого не видел, иначе он вероятно нашел бы лучшее применение своим штыкам...

А на фронте дела не поправлялись, не взирая на присутствие таких «талантов» как Сахаров.

Последний, прибыв в армию, целым рядом нетактичных распоряжений в конец испортил дело.

Прежде всего в Уфе он остановил эвакуацию, объявленную мной при первых серьезных неудачах на фронте.

«Это паника! Не позволю! Прекратить бегство!»

Приказ исполнен, а через неделю уже было поздно и пришлось много ценного бросить.

Затем вздорный, неуживчивый характер Сахарова разорвал фронт на две части — Гайда⁵⁷ окончательно расплевался со своим соседом, Западной армией и каждый действовал порознь. Лебедев не мог, не умел установить порядок. Наполеоновский контрудар от Бирска к югу «всей мощью сибирской конницы» оказался пуфом⁵⁸: Иванов-Ринов, атаман Всевеликого Сибирского войска и начальник всей конной массы, очень энергично показал войска в тылу, на парадах в Омске, но на фронт не явился; а на фронте его заместитель, знаменитый Волков⁵⁹, не проявил ни таланта, ни воинской доблести и конная масса едва унесла ноги...

В одном из «блистательных» (хотя и отступательных) маршей-маневров едва не попался в плен со всем штабом знаменитый Голицын (не князь)⁶⁰, и я его увидел в Омске, уже не у дел.

⁵⁷ Гайда Радола (14.02.1892–15.04.1948) — генерал-лейтенант (с 17.01.1919), командующий Сибирской армией (с 24.12.1918).

⁵⁸ В данном случае — надувательство.

⁵⁹ Волков Вячеслав Иванович (15.09.1877–10.02.1920) — генерал-майор (с 19.11.1918), командир Сводного казачьего корпуса. Волков охарактеризован С. А. Щепихиным как «знаменитый» в связи с его активным участием в перевороте 18 ноября 1918 г. в Омске, в результате которого к власти на Востоке России пришел адмирал А. В. Колчак.

⁶⁰ Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–12.1919) — генерал-лейтенант (с 09.01.1919). Командир III Уральского армейского корпуса Западной армии (с 10.01.1919). Отстранен от командования (11.06.1919) и назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего (22.06.1919).

Наконец, «мой лучший друг» (так любил выражаться Сахаров) Лебедев внял голосу приятеля и убрал доблестного Ханжина в тыл, оставив Сахарова на полную мочь в III-й⁶¹ (бывшей Западной) армии...

Дуэт Сахаров — Лебедев был исполнен не менее тонно, хотя и в достаточной мере по-любительски, но об этом ниже.

Уму не постижимо, удивлению подобно, до чего долготерпелив наш страсто-терпец рядовой офицер и солдат.

Каких только опытов с ним не производили, какие при его пассивном участии кунштюки не выкидывали наши «стратегические мальчишки» — Костя (Сахаров) и Митька (Лебедев) — а чаша терпения все еще не переполнилась.

Но я сидеть больше не мог: подо мной, что называется, земля горела: на запрос генерала Белова⁶², командарма Южной⁶³, я дал согласие и немедленно был назначен на должность начальника снабжения армии.

Собрав все данные об армии (состав, численность, расположение, организация подвоза), я направился к Главному начальнику снабжения фронта генералу барону Будбергу⁶⁴.

Его управление помещалось в пустовавшем училище, вместе с Военным министерством. Военным министром за несколько дней перед тем был сам Будберг, но Лебедев решил все военное управление объединить в своих руках⁶⁵.

Централизация столь тесная, компактная, что под силу разве очень недюжинному человеку, чего, как раз, Лебедев до сих пор не обнаруживал.

Будберг сидел в огромном кабинете мрачнее тучи: обиженный, он собирался бросать все дело.

Я представился и объяснил, зачем к нему, барону, я пожаловал.

«Ничего утешительного Вам сказать не могу! Вот смотрите!...» И он живо набросал мне схему. Привожу ее по памяти (см. Приложение № 2^й)⁶⁶

«Пока Челябинск и Полетаево⁶⁷ в наших руках — Ваше положение удовлетворительно. И только — не больше, ибо на Участке к западу от Челябинска хрони-

⁶¹ Западная армия была переименована в 3-ю 14.07.1919.

⁶² Белов Петр Александрович (Виттекопф Ганс Георг Генрих (Ганс Альфредович)) (22.04.1881–1920) — генерал-майор (с 12.08.1918 со ст. с 03.07.1918), командующий Южной армией (23.05–09.09.1919).

⁶³ Южная армия Восточного фронта была сформирована 23.05.1919 из частей Оренбургской Отдельной армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии. Армия действовала на Южном Урале и в Степном крае.

⁶⁴ Будберг, фон Алексей Павлович, барон (21.05.1869–14.12.1945) — генерал-лейтенант. Главный начальник снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем (с 03.05.1919).

⁶⁵ Речь идет о событиях 23 мая 1919 г., когда генерал Д. А. Лебедев занял пост военного министра с оставлением в должности начальника штаба Ставки. С. А. Щепихин неточен — Будберг с 23 мая 1919 г. стал помощником начальника штаба Ставки с правами военного министра по управлению министерством.

⁶⁶ Не публикуется.

⁶⁷ Узловая железнодорожная станция в районе Челябинска, от которой шла единственная ветка на Южный Урал к городу Троицк, позволявшая доставлять грузы в район Южной армии.

ческая пробка, а потому Ваши грузы сильно запаздывают. Ген[ерал] Белов даже предпочитает для ускорения тянуть грузы, особенно срочные, от Петропавловска или Петухова через Кустанай к себе. Но здесь трудно учесть время, много требуется передвижных средств; осложняется все это ажиант⁶⁸.

В случае [если] падет Челябинск — надо перестраиваться на Петропавловск, а быть может даже на Атбасар... Но это будет зависеть от дальнейшей стратегической обстановки и распоряжений! Скажу одно — положение очень тяжелое, серьезное, но не безвыходное. Ваш предшественник, полковник Сибирского войска Михайлов⁶⁹ совершенно к такой работе не пригоден; сам это сознает и просится уволить его. Вот все, что могу сообщить.

Что будет нужно — сообщите, и я приму меры!»

Все это было высказано обстоятельно, безапелляционно, вразумительно, но на действительность мало походило: уж очень все гладко.

От Будберга прошел к начальнику Главного штаба (это на 10 тысяч офицеров и 200 тысяч солдат) — Антоновичу (Александр Трифонович)⁷⁰.

Тоже из академии, тоже профессор⁷¹, тоже тыловой житель, которого никакими святыми из Омска не выкуришь — разве что придут большевики!

Знал его по академии⁷². Очень милый, обязательный, теперь с небольшой долей важности, правда, очевидно напускной.

Тоненьким голоском с места в карьер начал жаловаться на нестроения.

«Да ведь, Ты здесь, можно сказать, олимпиец! Цыкни и все сделается!»

«Ну, нет — здесь все от Митьки⁷³, а он слаб на голову...».

Так и чувствовалось, что вот де, если б Андогского...

Попросил справки — давал их п[олковник] Смирнов⁷⁴ (начальник организационного отдела) — тоже из «андогцев»... А сколько здесь младших, молодых «андоганят» — и все служат, суетятся, а, главное, все внимательно слушают, все слышат и все знают... и сообщают. Ловкий человек Александр Иванович!...⁷⁵

Люду, люду здесь — еще гуще, чем в Ставке у Лебедева.

Широченные коридоры уставлены ширмами, экранами, шкафами и всюду машинистки, машинистки... а около них молодые адъютанты, как мелкая рыбешка возле наживы. Стоит только показаться шуке (начальство) и все прыснут в стороны, по своим столам, и машинистка со своей очаровательной улыбкой и не менее очаровательной прической покинута и храбро встречает начальство...

В общем, когда я вошел в помещение, то шум был, как на базаре, а свободных молодых людей было столько, что на меня набросились сразу трое — один

⁶⁸ В процессе действия (фр.).

⁶⁹ Михайлов — полковник Сибирского казачьего войска, помощник начальника снабжений Южной армии.

⁷⁰ Антонович Александр Трифонович (23.08.1877–1937) — генерал-майор (с 27.06.1919). И.д. дежурного генерала при Верховном главнокомандующем (с 29.04.1919).

⁷¹ А. Т. Антонович не был профессором академии.

⁷² Антонович окончил академию на год раньше Щепихина.

⁷³ Д. А. Лебедев.

⁷⁴ Смирнов — полковник. Начальник организационного отдела Главного штаба. Идентифицировать генштабиста с таким чином и фамилией не удалось.

⁷⁵ А. И. Андогский.

от начальника снабжений (барона Будберг), а другие два от начальника Главного штаба (Антоновича).

Заблудиться здесь невозможно — проводников хватает. Но что они все здесь делают?!...

Итак, все, что надо, получил.

Радостный, отправился к себе в вагон, чтобы отдать распоряжение — вытянуть меня на магистраль.

Что я увозил с собой? Горькое чувство разочарования, обиды за тех, кто льют свою кровь; безнадежность и потерю веры в успех: с такими людьми, с такой организацией, с такими навыками нам не одолеть жестоко дисциплинированного врага. Ни за что!

Но что же делать? Надо барахтаться: если и не выплывем, не пристанем к берегу, то быть может удастся продержаться на поверхности пока не подвернется случай.

Да, напишу, что же делать!? Игра слишком затянулась, на карту поставлено слишком много, чтобы ее можно было оставить с легким сердцем.

Просто выйти из игры, вряд ли удалось бы...

Со станции дали знать, что, если у меня нет ордера на отдельный паровоз, то придется два дня подождать поезда до Полетаева.

Что же делать — подождем.

Воспользовавшись свободным временем, сделал несколько визитов.

На соседнем пути в отдельном вагоне жил ген[ерал] Дитерихс⁷⁶ — не у дел.

Вагон — часовня; кругом икона, а после его следствия в Екатеринбурге — по делу убийства Царской Семьи⁷⁷ и реликвии: много фотографий, альбомов, до собачки Наследника включительно. Религиозность и мистицизм царят в вагоне. У самого Дитерихса в глазах нет уж былой, как на полях Галиции, живости. Быть может и прав Сахаров, что Михаил Константинович (Дитерихс) постарел. Жена его, маленькая, сухенькая, малокровная особа, некрасивая и с видом инокини предложила завтрак: две коробки сардин и разговоры, рассказы без конца об Екатеринбургском действе... Но всего не говорят или делают вид, что до конца не высказано все — чтоб заинтриговать и не исчерпать всего капитала своей значительности.

О фронте ни слова, как будто его нет, а вся цель в могиле царя!

Покинутый сановник — общее впечатление.

И почему адмирал оставляет в тени таких людей. Как бы стар ни был Дитерихс (Да он в сущности и не стар — не более 42–45 лет), но за ним опыт, навык руководить фронтом, массажи.

Почему не у дел Будберг?

Почему полковник Генштаба — выпуск 1905 года сидит за писарским столом в Ставке, а сравнительно мальчик, выпуск 1913 или 1917 года в чине генерала верховодит.

Что это, близорукость или просто глупость?! Или, б[ыть] м[ожет] это особая этика гражданской войны, войны на недоверие: этот младше, малоопытный, неумный, но зато за него я ручаюсь, а тот, умный может и предать!

⁷⁶ Дитерихс Михаил Константинович (05.04.1874–08.10.1937) — генерал-лейтенант.

⁷⁷ В первой половине 1919 г. М. К. Дитерихс руководил расследованием убийства царской семьи в Екатеринбурге.

Неужели такое рассуждение уместно!?

А в уме снова всплывает вопрос, заданный когда-то Лебедевым, при представлении на корпус ген. Войцеховского⁷⁸: «А он не эс-эр?»⁷⁹

Своего аппарата, своих твердых, определенных форм нет, наподобие тех, что у большевиков в виде своей коммунистической партии, — приходится опираться на офицеров, а они, в то же время и главные спецы.

И как спецы офицеры есть по обе стороны — и у белых и у красных.

Ведь коммуниста на службе белых не найти, иначе он уж не коммунист. А офицер — это, прежде всего, спец и в большей части случаев офицер и только.

Вот, например, ген. Леонов⁸⁰, генерал-квартирмейстер (стратег!?), раскатывающий в красном автомобиле из штаба на дачу «к своей машинистке» — что у него под скальпом, кто знает?!

Там на фронте бьются, он должен и днем, и ночью, не отходя от карты, следить и давать свои указания, предвидеть, готовить победу, а он как консисторский служащий в 2 часа на обед, в 4 на чай, в 7 на ужин и до свидания. Там хоть трава не расти, а он на дачу три раза в день смотается.

А кто он такой — прошел через все узилища большевиков вместе с Андогской академией⁸¹: и Троцкому служил, и к чехам в Екатеринбурге попал, и снова к большевикам, и опять к чехам⁸², а там у «Комуча», через чехов к «Директории» и Колчаку.

Сколько инстанций и всюду надо и лицо сохранить и заверять в лояльности.

Ну, чем не редиска! А такой редиской наполнен весь штаб Лебедева.

И ничего не поделаешь: на спецах даже большевики зубы обломали — без них не обойтись. Да, но без некоторых, очень уж двукрасочных⁸³, можно было бы и обойтись.

Был у своих уральцев. Генерал Б. И. Хорошхин — военно-казачий министр. Такой должности даже и при царе не было⁸⁴, а ведь у него не полтора войска казачьих было⁸⁵, а все одиннадцать.

⁷⁸ Войцеховский Сергей Николаевич (16.10.1883–07.04.1951) — генерал-майор (с 17.10.1918, утвержден 08.03.1919). Командующий II Уфимским армейским корпусом (с 01.01.1919).

⁷⁹ Генерала С. Н. Войцеховского подозревали в симпатиях к социалистам-революционерам.

⁸⁰ Леонов Гавриил Васильевич (24.03.1879–?) — генерал-майор (с 20.04.1919). И.д. 1-го генерал-квартирмейстера (с 19.04.1919, утв. 28.05.1919). Генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 18.06.1919).

⁸¹ Имеется в виду Военная академия, которой руководил генерал А. И. Андогский.

⁸² С. А. Щепихин неточен. К чехам и белым Г. В. Леонов попал не в Екатеринбурге, а в Казани. Повторно к большевикам и чехам Г. В. Леонов в 1918 г. не попадал. В начале 1920 г. он попал в плен к красным и вновь оказался на службе в РККА.

⁸³ Так в тексте.

⁸⁴ С. А. Щепихин ошибается — в Российской империи существовало Главное управление казачьих войск (с 06.09.1910 г. — казачий отдел Главного штаба), ставшее прототипом Главного управления по делам казачьих войск Колчака, должность начальника этого управления и занимал Хорошхин.

⁸⁵ С. А. Щепихин иронизирует над количеством казачьих войск, оказавшихся на территории, подчиненной власти адмирала А. В. Колчака на Востоке России. Между тем, среди

Уральское войско боролось отдельно; связь с ним далека и небезопасна.

Оренбургское войско — на фронте все и без остатка, даже Оренбург, столица войска, в руках противника и на линии фронта; Атаман войсковой в длительной командировке не по делам войска, а с дипломатической миссией⁸⁶.

Сибирское войско — единственное все полностью здесь возле Омска и сам атаман Ринов.

Дальневосточные [казачьи войска] — далеко.

Кого же представляет, кем орудует Хорошхин.

Оказывается это синекура — раз и политический ход — два.

Хорошхин — генерал славного войска и без места; а так как он на фронт не желает, хотя в артиллеристах (он артиллерист и Георгиевский кавалер) и нужда, а сам не Генерального штаба, то трудно найти ему место.

Надо создать — и тут на помощь — политика.

Атаман Дутов⁸⁷, личность архипопулярная, так и просится на первые роли — но его опасаются: сегодня он против Семенова⁸⁸, а завтра за; сам себе навязывает должность Походного атамана всех казачьих войск...

И вот, чтобы его отвлечь и выбить из-под сидения кресло походного атамана — выдумывают пост — министр по казачьим делам⁸⁹.

Итак Хорошхин — министр! Еду к нему на обед. У него все наши, включая представителя Войскового Круга Коновалова⁹⁰.

Канцелярия небольшая — пять комнат (какой скромный!).

Два личных адъютанта — братья Акутины⁹¹.

Что делается? Ничего: пять, шесть бумажонок в день.

Главное занятие раздобыть для войска все необходимое: берут все, что проплывает мимо; и все в склад до приезда из войска приемщика.

них были Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска, не считая тех войск, которые возникли непосредственно в период Гражданской войны.

⁸⁶ Речь идет о поездке атамана А. И. Дутова на Дальний Восток (08.06–12.08.1919) по должности Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 414–424; *Савченко С. Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А. И. Дутова на Дальний Восток (июнь–август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Сб. науч. статей. Хабаровск, 1999. С. 40–74.

⁸⁷ Дутов Александр Ильич (05.08.1879–07.02.1921) — генерал-лейтенант (с 04.10.1918), Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 01.10.1917).

⁸⁸ Семенов Григорий Михайлович (13.09.1890–30.08.1946) — полковник (с 09.1918), генерал-майор (с 18.07.1919), генерал-лейтенант (с 24.12.1919). Вр.и.д. Войскового атамана Забайкальского казачьего войска (с 10.1918).

⁸⁹ С. А. Щепихин ошибается — должность Б. И. Хорошхина (помощник военного и морского министра по казачьим делам и начальник Главного управления по делам казачьих войск) была введена задолго до назначения А. И. Дутова на пост Походного атамана всех казачьих войск.

⁹⁰ Коновалов Евгений Давыдович (01.02.1892–03.01.1971) — есаул, полномочный представитель Уральского казачьего войска при Ставке в Омске (1919).

⁹¹ По всей видимости, одним из них был Акутин Семен (Симеон) Васильевич (02.01.1889–25.11.1981) — войсковой старшина, полковник.

В это время был приемщик мой родной брат — артиллерист (войсковой старшина)⁹². Поместили его в офицерском общежитии в Городской управе — грязь, вонь, теснота. Так, нам не осмеливались бы при Царе и солдат поместить... А тут рядом министр от безделья — квартира в пять комнат.

Предложил брату приехать ко мне.

Много порассказал о бедствиях в Уральском войске. Брат служил на фронте в Оренбургской казачьей батарее; после развала уехал к семье в Бар, а затем не выдержало сердце казачье — тронулся на Урал.

С ним в Омск для приема военных запасов прибыло несколько казаков — конвой. Все оборванные, заморенные. А в Омске не удавалось, даже с протекцией Хорошкина, одеть этих людей. Войску были отпущены патроны, снаряды, порох. Они только об этом и просили, как истые воины. Вряд ли кто другой на их месте отказался от пары сапог, но они отклонили, да транспорт непомерно бы возрос, а им предстояло покрыть тысячу верст по безлюдной степи.

Уральское войско, по словам брата, уже отчаивалось: все геройские попытки взять обратно город (Уральск) разбивались о стойкость красного гарнизона.

Наши неудачи на Уфимском фронте развязывали большевикам руки, и давление на казаков усилилось.

Сколько еще продержатся — неизвестно — год, полгода!?

Общего плана, по-прежнему, не существовало: Колчак предоставил атаману Толстову⁹³ полную мочь, так как район войска лежал далеко в стороне и оказался безнадежно оторван от общего фронта.

Уральцы сосали двух маток, получая помощь и от Колчака, и от Деникина. Однако общее стратегическое положение войска было столь неблагоприятно, что борьба всецело зависела от борьбы и ее результатов на главных (Южном и Восточном) фронтах. Героическая борьба славных уральцев обречена была на неуспех заранее и фатально.

Понимали, чувствовали это и казаки, и дрались с отчаянием обреченных. За последнее время чаще и чаще стали раздаваться голоса слабых, но атаман был непреклонен.

Одни, всеми покинутые, заброшенные в глухие степи и отброшенные от всех путей, дающих выйти на соединение с соседями, уральцы дрались как львы.

Они гибли тысячами от сыпняка, не имея санитарных средств.

Медикаменты были на вес золота, так же как и патроны.

Все виды реквизиций уже гуляли по населению, которое и само никогда не жило в довольстве.

Хлеб — этот всегда в избытке бывший в войске продукт и тот изменил — войска были отброшены тылом на голодные районы, побережье Каспийского моря.

⁹² Щепихин Петр Арефьевич (04.10.1879–1920) — войсковой старшина (с 01.12.1916), приемщик грузов Уральского казачьего войска в Омске (1919). Умер от сыпного тифа в начале 1920 г. при отступлении Отдельной Уральской армии между Гурьевом и Фортм Александровским. Место захоронения неизвестно.

⁹³ Толстов Владимир Сергеевич (07.07.1884–29.04.1956) — генерал-майор (с 20.07.1918), генерал-лейтенант (с 1922), Войсковой атаман Уральского казачьего войска (с 24.03.1919).

«Куда же ты вернешься?» — говорил я брату. «Оставайся! Куда-нибудь пристрою тебя здесь!»

«Нет, не хочу. Погибать, так со своими!»... Так и погиб при отходе остатков армии Толстова где-то между Форт Александровском и Гурьевым от сыпняка.

И зарыт, как собака... И никто никогда не узнает, не найдет могилы...

Вот такие серые герои, безропотно покорившиеся судьбе, они одни и держали фронт и на фоне ярком их героизма безымянного еще резче выступали гримасы тыла и зловоние клоаки удушливо смердело...

Я еще в мае запросил атамана Толстова относительно возможностей вернуться в войско, но ответ через вторые руки был почти холоден...

Конечно, не спецы нужны были атаману, а оружие и боевые припасы с медикаментами...

Все это ему вез мой брат в количестве, конечно, далеко не достаточном...

Хорошхин, безусловно, мог все изменить в корне, переорганизовать и самый транспорт и видоизменить тот скромный масштаб, которым задавался атаман, не зная средств Омска⁹⁴.

А Омск лопался от запасов — ему не доставало хороших бойцов и руководства, а снабжение уже начинало гнить по складам вдоль ж[елезной] дороги.

Но Хорошхин был занят другими вопросами: он только что переправил во Владивосток лицо, уполномоченное атаманом на организацию закупок всего необходимого в грандиозных размерах и отправку всего закупленного на пароходах вокруг Индии, Суэцом в Крым и Новороссийск.

Боже, какая нелепая беспомощность, граничащая с отчаянием, сквозила через этот утопический план.

Ведь на его выполнение нужен год по крайней мере. А кто давал, гарантировал такой срок и даже меньший.

А план был широк — снабдить не только армию, но и население.

Позже, через год, я ознакомился у Чуреева с этими запасами. Чего только там не было: и мануфактура, и медикаменты и даже рыболовные снасти.

И все это пошло прахом: горело, тонуло, гнило и расхищалось.

Я думаю, что атаману просто некогда было вдумываться в этот вопрос, у него просто вырвали санкцию... и в результате — уполномоченный по закупкам, бывший директор Войскового Банка Чуреев⁹⁵ явился в Омск и здесь при содействии Хорошхина получил солидное подкрепление и все для войска, все под флагом атамана... и скрылся на Дальний Восток. Здесь были закуплены товары, погружены и опоздали — даже и в Черное Море не успели войти, как Крым пал, а борьба на Урале затихла.

Почему погнался Хорошхин за муравьем⁹⁶, а не дал атаману в руки синицу — трудно ответить.

⁹⁴ Это заявление Щепихина до некоторой степени противоречит тому, что он пишет выше об ограниченных возможностях Хорошхина в деле добывания обмундирования для уральцев.

⁹⁵ Чуреев Павел Иванович (?–31.03.1946) — надворный советник, председатель правления Яицкого войскового банка.

⁹⁶ Вероятно не муравьем, а журавлем.

Быть может он сам когда-либо объяснит свою «полезную деятельность».

В Омске он мне пытался доказать, что он не всемогущ, что, будто бы от атамана есть определенные инструкции, но не ему, Хорошину, а прибывшему члену Военского Правительства...

Но кто их разберет!?

Факт тот, что войску послали на грош, а миллионы были именем войска исторгнуты из касс Колчака и поехали с Чуреевым в неизвестную даль, за муравьем⁹⁷.

Я убежден, что общее растление задело и казачьего министра, иначе нельзя никак, ничем объяснить такой «дальновидности».

С грустью распрощался с братом и выехал через Челябинск — Полетаево и Троицк в штаб Южной армии.

⁹⁷ Вероятно не муравьем, а журавлем.